

Дочери Евы

Романы
ТАТЬЯНЫ ТРОНИНОЙ

Читайте истории любви в книгах
ТАТЬЯНЫ ТРОНИНОЙ

Солнечная девушка
*
Ханская дочь
*
Его тайная страсть
*
Та, кто приходит незваной
*
Огненный Марс
*
Русалочье счастье
*
Люблю, убью, умру
*
С надеждой на взаимность
*
Девушка-стихия
*
Интриганка
*
Не такая, как все
*
Чужая свадьба
*
Гнездо ласточки
*
Любить – губить
*
Никогда не говори «навсегда»
*
Я тебя найду
*
Магнолии, девушка, солнце
*
Не пара
*
Отблеск безумной звезды
*
Злюка
*
Девушка – рябина
*
Хозяйка чужого дома
*
Песчаный рай

ТАТЬЯНА
ТРОНИНА

ПЕСЧАНЫЙ
РАЙ

МОСКВА
2016

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т73

Оформление серии *С. Власова*

Тренина, Татьяна Михайловна.
Т73   Песчаный рай : [роман] / Татьяна Тренина. —
Москва : Издательство «Э», 2016. — 320 с. — (До-
чери Евы. Романы Т. Трениной).

ISBN 978-5-699-88549-7

Дина жила словно в раю: страстно влюбленный муж, уютный дом, хорошая репутация — что еще нужно женщине?.. Но рай этот оказался непрочным, он рассыпался песком при малейшем дуновении ветра. Муж обманул и предал, дом не дал ожидаемой защиты, а репутация оказалась безнадежно погублена. Теперь Дине придется выстраивать жизнь заново. Вот только прежде нужно сбежать из кромешного ада, возникшего на руинах былого рая, а это не так-то просто.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-88549-7

© Тренина Т., 2016
© Оформление.
000 «Издательство «Э», 2016

Большее других цветов Дина любила пионы. Они росли в ее саду в изобилии — розовые, фиолетовые, белые, сиренево-лиловые, малиновые... Всякие! Чтобы взгляд не уставал радоваться.

Вот и это утро Дина начала с поклонения своим цветам. Вышла в сад, присела на корточки перед кустами пионов — огромные соцветия клонились к земле от собственной тяжести... Женщина брала их в ладони, поднимала к лицу, вдыхала глубоко, часто — пока голова не начинала кружиться. Какой нежный, легкий и в то же время густой аромат!

Она ловила дыхание цветов, трогала прохладные шелковистые лепестки кончиками пальцев.

Иногда Дина чуть сильнее сжимала пион в ладонях, не зная, как еще выразить свое восхищение. Лепестки тех растений, которые уже начинали отцветать, при этом сыпались в траву, но ничего, ничего страшного — от этого изобилия не убудет...

За грядой пионов росли лилии. А вон синевато-фиолетовые стрелки дельфиниума задорно тянутся к небу! В саду Дины много цветов, самых разных, причудливых и простых.

А дальше, за клумбами — крошечный рукотворный пруд, по берегам густо заросший болотной травой. Вдоволь налюбовавшись пионами, Дина отправилась туда. Села на низенькую деревянную лавочку, выбеленную дождями.

Вода в прудике отражала облака, края которых набухали малиновым цветом — от поднимающегося над горизонтом солнца. Осока клонилась под легким ветром и казалась подсвеченной изнутри — такое прозрачное, зеленовато-желтое сияние исходило от нее. Над осокой носились стрекозы, временами вцепляясь тонкими лапками в ее стебли, а потом порывы ветра вновь подбрасывали насекомых вверх...

На крыльцо из дома вышла девочка лет шести — тоненькая, с растрепанными после сна темными длинными волосами, с хорошеньким круглым личиком, с ямочкой на подбородке. На девочке была ночная рубашка до пят.

— Марьяша! — позвала Дина. — Я здесь.

Девочка сбежала по ступеням, кинулась к матери.

— Ты моя хорошая... ты моя красавица... — Дина принялась обнимать, гладить девочку, прижавшуюся к ее боку, пальцами осторожно распутывала волосы малышки. Опять эта радость прикосновения — к своему самому любимому, дорогому. — Здравствуй!

С утра, после сна, Марьяна обычно была молчаливой, тихой, словно прислушивалась к грядущему дню — что тот ей обещал?..

— Осенью в школу. Ты у меня такая большая... Поедем с папой в магазин, купим Марья-

ночке форму, купим рюкзак, купим тетради. Все-все купим нашей девочке. Ты хочешь в школу?

Марьяна энергично закивала, продолжая прижиматься к матери.

— Умница. Считать мы умеем, буквы знаем... Самая-самая умная у нас с папой девочка!

Марьяна опять закивала. Дина сжала дочь в объятиях чуть сильнее, потянулась губами к макушке Марьяны — чтобы поцеловать. «Ты — мой самый любимый цветочек. Ты — мое сокровище...» — подумала Дина, в груди которой плавилось сердце от неистовой, неукротимой нежности. В глазах у Дины защипало. И тут девочка в ее руках неожиданно принялась таять, исчезать. И сад — с цветами, прудом и стрекозами — тоже куда-то вдруг пропал.

...Дина проснулась, задыхаясь от слез. Сердце билось, словно сумасшедшее. Сон был так реален, что действительность теперь показалась женщине сном.

Она приподнялась на локте, огляделась. Комната с белыми стенами, полутьма — на окнах тяжелые шторы. Монотонно гремят кондиционер над дверью, прогоняя сквозь себя воздух.

Нет, вот это все — и есть ее жизнь. Ее *настоящая* жизнь.

«Хорошо, что Руслана нет!» — вытирая ладонью слезы, подумала Дина. Руслан не любил, когда она плакала, он вообще физически не выносил ни женских слез, ни женских истерик, ни женских жалоб, как и большинство мужчин.

Она накинула халат, по коридору прошла к входной двери.

После полутьмы и прохлады дома Дину ослепил солнечный свет, такой резкий, что окружающий пейзаж в первые мгновения показался просто белым листом бумаги. И лишь потом вырисовался песчаный пейзаж с кустиками саксаула, блестящими на солнце камнями. Вон и птица какая-то висит над горизонтом... Коршун? Охотится на какого-нибудь суслика... Жарко сегодня будет или очень жарко? Дина подняла лицо навстречу сухому ветру и почувствовала, как отголоски ночной прохлады коснулись ее щек. Наверное, день будет вполне нормальным. То есть просто жарким.

Ветер, как всегда сильный в этих местах, окончательно развеял обрывки сна.

Тутовое дерево в углу двора, обнесенного сеткой, — чтобы чужие козы не забредали. Кусты полыни растут в тени тутовника...

Дина повертела головой. Только песок и солнце. Их дом стоял на самом краю крошечного городка, а дальше, в нескольких километрах, уже шел край Российской Федерации. Там располагалась воинская часть, в которой служил муж. И город, в котором жила Дина, кстати, так и назывался — Серхет, что в переводе значило — граница... Из города в районный центр выбраться — целая проблема. Раз в неделю ходил рейсовый автобус. Всегда давка, теснота... Часов шесть тряски по пыльной дороге, под раскаленным солнцем. Можно и на попутке выбраться. Иногда, в редких, чрезвычайных случаях — вызывали из центра вертолет. Когда серьезно заболе-

вал кто-либо, а возможности спасти человека в местной больнице — не было. (Например, требовалась совсем уж редкая операция.)

Приложив ладонь ко лбу, Дина минут десять вглядывалась в горизонт, пока не увидела приближающееся облачко пыли, за которым угадывался силуэт машины. Отлично. Он едет!

Машина майора Руслана Сергеева — внедорожник американского производства — была предметом всеобщей зависти. Муж купил ее по случаю, почти за бесценок (с одной стороны — большая удача, с другой — в приграничной зоне подобные случаи были не такой уж и редкостью). Главное — Руслан теперь никак не мог нарадоваться своему приобретению... Внедорожник — очень нужная вещь в здешних местах, где почти нет хороших дорог.

...Возвращения мужа Дина всегда ждала с нетерпением, даже если тот уезжал на дежурство ненадолго, всего лишь на ночь, вот как сейчас. Мало ли что... На границе то и дело всякие инциденты случаются!

Женщина вернулась в дом, быстро приготовила омлет на двоих и кофе — себе.

Хлопнула дверь.

— Привет! — на кухню вошел Руслан, положил фуражку на холодильник.

— Привет... Все в порядке? — Дина чмокнула его в щеку, поставила на стол тарелку. Ответа она так и не дождалась. — Завтракай и ложись.

— Ты уходишь?

— Да.

— Блин, что за жизнь...

— Руслан, если я перестану ходить на работу, я совсем с ума сойду! — не выдержала, пожаловалась она.

— Начинается.

— Все, не буду, — она села рядом, обняла его. Руслан похлопал жену по плечу, потом аккуратно отстранил ее и взялся за вилку.

— Как спала?

— Нормально. Руслан, у вас все в порядке? — переспросила Дина.

— Да все хорошо, чего ты переживаешь... Крестьян с той стороны гоняли — пасут где ни попадя своих овец! Датчики слежения то и дело срабатывали... Что еще? Ефрейтора одного фаланга цапнула. Вроде крепкий парень, а разнылся — помираю, говорит!

— Фаланги же не ядовитые! — удивилась Дина.

— И я о том. Просился к вам, в больницу, но я не пустил. И что? Через три часа парень сам о том укусе забыл! — Руслан в два приема доел омлет, отодвинул тарелку. — Молодые, они бестолковые, не знают, чего на самом деле бояться надо...

Дина машинально кивнула, глядя на мужа. Руслану было тридцать семь (на шесть лет старше ее), и он вдруг показался ей сейчас — нет, не старым, но уже каким-то слишком мудрым, всезнающим. Слишком опытным. Ни в чем не сомневающимся. А Дина была — как травинка на ветру, ее постоянно мотало из стороны в сторону, она всегда сомневалась во всем, часто переживала. В ней не было цельности, законченности...

Нет, она не травинка даже, а — вода. Течет непонятно куда, принимая любую форму...

Волна и камень.

У Руслана был твердый, очень выразительный подбородок с ямочкой посередине. А еще — ясные светло-серые глаза, которые всегда смотрели цепко, пристально, прямо... Ни одна мелочь не ускользала от этих глаз.

Не высокий и не низкий, скорее роста чуть выше среднего, очень развитый плечевой пояс... В общем, красавец.

— Руслан...

— Что?

— Ты меня любишь?

— Я тебя люблю, — быстро, не задумываясь, ответил муж и продолжил без всякого перехода: — Не забудь, завтра у Бати день рождения.

«Батей» за глаза называли начальника гарнизона.

— Я помню. Мне Лагутенко вчера звонил. Мы с ним сюрприз Бате решили подготовить.

— Сюрприз? Ох, не люблю я этих сюрпризов... — поморщился Руслан. — Ладно, потом разберусь с тобой. Все, пошел спать. Да! — он вдруг остановился в дверях, повернулся. — Ты вот меня теребишь постоянно — «как дела, как дела?», а сама-то — в курсе?

— О чем ты?

— Ралли через нас пройдет.

— Какое ралли?

— Ралли «Бархатный путь». Эх ты, отсталая... — засмеялся Руслан и ушел спать.

Дина вымыла посуду, потом начала собираться на работу. На душе кошки скребли. Зачем Рус-

лан назвал ее отсталой? Нет, он не хотел ее обидеть, но... все равно неприятно. Нет, не потому, что назвал «отсталой», но это постоянное, раздраженно-снисходительное пренебрежение с его стороны, как будто она — дурочка, неразумный ребенок...

Ребенок. Ребенок? Да, ребенок. Точно. Это все из-за сегодняшнего сна. Из-за него так тяжело, так муторно теперь. Это сон виноват, сон, а Руслан тут ни при чем!

...Дина в другой комнате, носившей гордое название — гостиная, открыла шкаф. «Забыть, надо забыть... Надо отвлечься, надо думать о чем-нибудь другом!»

Она достала новое платье — красное, с открытыми плечами, с глубоким вырезом, с широкой юбкой. Платье Дина шила у портнихи тайком от мужа — чтобы поразить потом, при случае. И ближайший удобный случай — день рождения Бати.

Дина не выдержала, сбросила халат и одним движением натянула платье на себя, повернулась перед зеркалом. Широкая юбка плеснулась вокруг колен... Темные длинные волосы. Руки красивые, тонкие. Грудь. Талия — тонюсенькая! Ножки ничего так. И, главное, прикрыты широкие бедра, которыми Дина была недовольна, и та часть тела, за которую ее сравнивали с Дженнифер Лопес. Сколько раз слышала эти мужские сальные шуточки за своей спиной... Теперь уж никто так не скажет! Юбкой все прикрыто...

Дина несколько раз повернулась перед зер-

калом, потом выхватила из футляра, лежавшего на стуле, скрипку, на струнах закрепила сурдину, заглушавшую звук (чтобы Руслана не разбудить!), взмахнула смычком... Она будет играть на скрипке, а старший лейтенант Лагутенко — петь. Это и есть сюрприз Бате.

Женщина любовалась на свое отражение в зеркале — платье, скрипка в руках... Все идеально, все сочетается.

Дина когда-то готовилась к карьере скрипачки, собиралась ехать в Москву, поступать в консерваторию, но не получилось — в восемнадцать лет вышла замуж, и Руслан увез ее в один из приграничных городков на Дальнем Востоке, где не то что консерватории — вообще ни одного высшего учебного заведения не было, лишь два училища — для мальчиков и для девочек... Одно из них, медицинское (для девочек), Дина и закончила, став профессиональной медсестрой.

Потом Руслану пришлось сменить место службы, и они оказались здесь, в Серхете, совсем уж на краю земли...

Но мечту свою Дина так и не забыла, все на что-то надеялась. Играла на скрипке в свободное время, берегла руки. Хотя на что надеяться? Тридцать один год, любительский уровень. Уже никакая консерватория не поможет.

Муж талантом жены на людях гордился, правда, дома от звуков скрипки его начинало коржить. «Словно по стеклу скребут!» — морщился он. Несколько раз Дина выступала на самодеятельных концертах в Доме офицеров. Все восхищались — сослуживцы мужа, их жены, — но именно это и напрягало Руслана. Он честно за-

явил жене: «Знаешь, а мне ведь намекали, что я твою карьеру загубил!»

И Дина перестала выступать в Доме офицеров.

Но сюрприз Бате — это другое. Она не будет исполнять никаких серьезных композиций. «Очи черные» да «Утро туманное» — цыганщина, баловство, развлечение...

Красное платье, темные волосы, звуки зажигательной музыки. Красиво, да. «Но чего-то не хватает!» Дина отыскала в шкафу шаль, набросила ее на плечи. «Нет, не идет». Затолкала шаль обратно. «Цветок в волосы? Ха, какой еще цветок... Маки уже отцвели!»

Весной в низине цвели маки... Но потом цветы скосили, а сейчас под жгучим солнцем пожухла даже полынь.

«Как же я забыла!» — внезапно спохватилась Дина. И из глубин шкафа бережно достала шкатулку. В ней хранились колечки, сережки и главное сокровище — перстень с рубином. Перстень достался Дине от бабушки. Та говорила, что это настоящий индийский рубин, очень хорошего качества, очень крупный...

Перстень Дина никогда не надевала — берегла его. Да и повода не было. И потом, другой вопрос — с чем это сокровище носить?.. Наряд должен быть роскошным — под этот перстень. «Но зато вот с этим красным платьем — самое оно. Когда, если не сейчас!» — подумала женщина и надела перстень на средний палец правой руки. «О, чудесно...» Глаза у Дины даже затуманились от восхищения. Несколько минут она

стояла пред зеркалом, положив руку на грудь — так, чтобы было видно перстень.

Потом опомнилась — опаздывает же! Быстро сняла платье, натянула другое — простенькое, из ситца в цветочек, уже немного выцветшее.

Через пять минут Дина уже бежала по выложенной камнем неровной мостовой. Узкая улочка, с обеих сторон — глухие заборы из известняка...

— Здравствуйте. Здравствуйте! Елена, привет, как дела?.. Доброе утро!

— Дина Алексеевна, здравствуйте. Динка, привет! Дина, Фидель Рауфович сегодня будет? Дина, здравствуйте!

В маленьком городке многие друг друга знали в лицо. В этот утренний час прохожих оказалось много — кто спешил на работу, кто на базар, кто еще куда. Дела делались именно сейчас — когда солнцу было еще далеко до зенита. Потом, днем, жизнь в городе замирала часа на два, три. В обеденное время можно было обойти весь город и не встретить ни одного человека. Жара... Перед закатом опять все оживало, ну, а после на Серхет обрушивалась черная, неудобная ночь.

«Почему мне в который раз снится сад? — по дороге размышляла Дина. — Цветы эти... К чему? Господи, как тяжело. Вот бы умереть! Я так не могу больше, не могу, не могу...»

— Дина, добрый день, — встретил ее главный врач, хирург Фидель Рауфович Курбатов. — На десять минут опоздали. Нехорошо.

— Простите, Фидель Рауфович. Муж задержался, я его встречала.